

АНАСТАСИЯ КОЗЫРЕВА

Анализ актов интуитивной ре-презентации как основание феноменологической теории воспоминания¹

Проблема памяти в феноменологии Эдмунда Гуссерля составляет часть его проекта феноменологической теории познания и может быть представлена в связи с двумя ключевыми направлениями исследования. Первое — анализ актов интуитивной ре-презентации (*anschauliche Vergegenwärtigungen*)², таких как фантазия, воспоминание, ожидание и образное сознание. Второе — анализ внутреннего сознания времени и репродуктивной модификации изначального переживания. Эти два направления в понимании феномена памяти в ходе развития теории Гуссерля привели к формированию оригинальной и целостной концепции, имеющей большое значение не только для понимания того, что такое воспоминание как особого рода акты сознания, но и для всего комплекса теоретико-познавательной проблематики и построения феноменоло-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 10-03-00800а.

² Терминологическую пару *Gegenwärtigung—Vergegenwärtigung* сложно адекватно перевести на русский язык. Слово *Gegenwart* (присутствие, настоящее) само образовано из двух слов: *gegen* (по направлению к, перед, напротив) и *Wärts* (производное от *wert, wenden*, что означает «поворачивать»). *Gegenwärtig*, таким образом, обозначает «повернутый к, находящийся *nanpotius*». *Gegenwärtigung*—субстантив, образованный от прилагательного *gegenwärtig*, по смыслу означает «поворачивание к тому, что находится напротив, приведение того, что находится напротив к присутствию». Данная этимологическая трактовка основывается на сведениях, почерпнутых из этимологического словаря немецкого языка (Kluge. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*). При переводе на русский язык термины *Gegenwärtigung—Vergegenwärtigung* могут переводиться по аналогии с переводами на европейские языки как «презентация—ре-презентация», но тем самым, конечно, теряется часть исходного смысла и наслаивается дополнительный. Однако следует признать, что в русском языке просто нет аналогов этим терминам, поэтому в этом тексте я буду следовать употреблению терминов «презентация» — для *Gegenwärtigung* и «ре-презентация» — для *Vergegenwärtigung* по принципу относительного соответствия значения, согласующегося с русским языком.

гической теории сознания. На основании исследований современных феноменологов складывается следующая картина развития теории воспоминания: в период с 1989 по 1905 год Гуссерль рассматривал воспоминание как акт ре-презентации (*Vergegenwärtigung*) — на основании и в постоянном сравнении с фантазией и образным сознанием. Поворотный момент в исследовании ре-презентирующих актов и конституирования актов сознания в целом наступает в развитии его мысли с разработкой нового подхода, который открывается ему в рассмотрении воспоминания в связи с временностью сознания и приводит к концепции репродуктивного сознания³. В данной работе будет рассмотрен первый этап в развитии феноменологии воспоминания Гуссерля, тесно связанный с теорией фантазии, а именно анализ актов интуитивной ре-презентации. В этой связи мы постараемся раскрыть содержание понятия интуиции и ре-презентации, опираясь на текст VI «Логического исследования» и тексты из XXIII тома «Гуссерлианы» под названием «Фантазия, образное сознание, воспоминание»⁴. Эта задача предполагает, что главной темой этой статьи окажется в большей степени не акт воспоминания как таковой, но весь класс актов интуитивной ре-презентации, поскольку именно здесь сосредоточена проблема, объединяющая постановку вопроса о природе воспоминания, фантазии и образного сознания. Без рассмотрения этих оснований теории ре-презентации, на наш взгляд, невозможно представить полноценную картину феноменологической теории памяти.

Вопрос о природе воспоминания для Гуссерля с самого начала его исследований, посвященных этой проблеме⁵, был связан с двумя принципиальными моментами. Первый — это понимание воспоминания как акта, ре-презентирующего событие или предмет как прошлые. Второй связан с характеристикой воспоминания как акта, воспроизводящего само прошлое восприятие. В предметном отношении воспоминание о некоем предмете как прошедшем само еще не есть воспоминание о прошлом восприятии. В этом аспекте в нем осуществляется ре-презентация того, что было воспринято в прошлом. Гуссерль употребляет в данном случае термин *Wiedervergegenwärtigung*⁶. Со стороны акта, однако, именно воспроизведение прошлого восприятия составляет сущность воспоминания и делает возможной ре-презентацию объекта как прошедшего.

³ Такой подход основывается на работах Эдуарда Марбаха и Рудольфа Бернета, в частности: *Bernet R., Kern I., Marbach E. An Introduction to Husserlian Phenomenology.* Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 1993. *Bernet R. Conscience et existence. Perspectives phenomenologiques,* Paris, Presses Universitaires de France, 2004.

⁴ Изданы в XXIII томе «Гуссерлианы» Эдуардом Марбахом: *Husserl E. Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen.* Texte aus Nachlass (1898–1925). *Husserliana*, Bd. XXIII, hrsg. Eduard Marbach. The Hague: Martinus Nijhoff, 1980.

⁵ Hua. XXIII, Text 2, Beilage XIV Erinnerung und Wahrgenommenhaben (1989).

⁶ *Ibid.* S.196. *Wiedervergegenwärtigung* можно перевести как «повторное приведение к настоящему».

«Каждое воспоминание об А есть одновременно воспоминание о более раннем восприятии А»⁷. Таким образом, Гуссерль предлагает различать в акте *Wiedervergegenwärtigung*, с одной стороны, отношение акта воспоминания как «вновь-ре-презентирующего» к «ре-презентируемому» акту восприятия и, с другой стороны, отношение этого ре-презентирующего акта к предмету, который ранее был воспринят, а теперь переживается как прошедший. Цель актов воспоминания наиболее отчетливо выражена в этом втором аспекте, поскольку именно предметы или события предстают перед нашей памятью. Развитие этого предметного момента позволило Гуссерлю впоследствии в третьей части «Лекций» по главным разделам феноменологии и теории познания 1904–1905 годов, посвященной «Фантазии и образному сознанию»⁸, провести анализ таких ре-презентирующих актов, как воспоминание и фантазия, как типов образного сознания на основании рассмотрения образного характера их объектов⁹.

Попытаемся внести элемент последовательности в реконструкцию феноменологического анализа воспоминания на данном этапе. Исходным пунктом на этом пути оказывается позиция Гуссерля, артикулированная во втором томе «Логических исследований» и «Лекциях» по главным разделам феноменологии и теории познания, согласно которой акты воспоминания должны быть объединены в одну группу с актами фантазии, ожидания, образного сознания в качестве *актов интуитивной ре-презентации*. Они отличаются от восприятия как акта интуитивной презентации характером данности своего предмета. Если в восприятии предмет дан в его живом присутствии, как он есть, то в ре-презентирующих актах только сам акт (воспоминания или фантазии) осуществляется в настоящем, а отсутствующий предмет предстает перед нами в модусе «как если бы он был здесь». Это присутствие в моем актуальном опыте отсутствующего предмета составляет основную загадку ре-презентирующих актов. Крыши домов из моего окна я вижу сейчас, как они есть, а вчерашний вид из окна в Университете Лувена я могу только представить себе вновь в воспоминании, или в фантазии предположить, как он будет выглядеть весной или выглядел несколько лет назад, или могу увидеть его, например, на фотографии, но при этом только фотография как физически присутствующая вещь окажется данной сейчас в моем восприятии, а то, *что* я вижу на ней, будет лишь представлено посредством образа.

Определение воспоминания в качестве акта интуитивной ре-презентации заключает в себе, помимо указания на ре-презентирующий характер подобного рода актов, еще и указание на их интуитивный характер. Начнем с последнего, а именно с понятия созерцания.

⁷ Ibid. S. 197.

⁸ Изданы в указанном XXIII томе «Гуссерлианы». Text 1. Phantasie und Bildbewusstsein.

⁹ С развитием первого момента, а именно проблемы ре-презентации самого изначального восприятия, связана концепция внутреннего сознания времени и репродуктивной модификации сознания, ставшая поворотным моментом для феноменологической теории сознания.

Интуитивные акты

Понимание Гуссерлем интуитивного характера таких актов сознания, как фантазия, воспоминание, образное сознание, во многом сформировалось в связи с исследованиями его учителя Франца Brentano¹⁰. Наиболее адекватным примером взглядов Brentano на природу интуитивных актов является концепция воображения, изложенная им в лекционных курсах по «Избранным психологическим и эстетическим вопросам»¹¹, слушателем которых долгое время являлся Эдмунд Гуссерль. Неоднократные отсылки к содержанию этих лекций можно встретить в текстах собственных лекций Гуссерля. В психологическом учении Brentano сфера созерцания была ограничена актами восприятия, тогда как акты, подразумевающие данность объекта не посредством чувств и тем самым не в живом присутствии, понимались как «несобственные» (*uneigentlich*) представления. «Представления фантазии являются *неинтуитивными или несобственными представлениями*, приближенными к интуитивным представлениям... граница предположительно размыта»¹². Несмотря на близость к интуитивным представлениям и даже некое «интуитивное ядро», представления фантазии, согласно Brentano, радикально отличаются от восприятия именно этим характером несобственной данности предмета. Отталкиваясь от проблематики своего учителя, Гуссерль развил свою концепцию интуитивных актов, расширив сферу интуиции за пределы только лишь восприятия, показав, что и представления фантазии, и воспоминания являются созерцаниями и что их сущностное отличие от восприятия лежит в другой области.

Отправной пункт определения понятия созерцания находится во втором томе «Логических исследований», посвященных рассмотрению проблемы идеальной данности значений в субъективных переживаниях сознания. Гуссерль проводит «фундаментальное подразделение объективирующих интенций на сигнификативные (*signifikativen*) и интуитивные (*intuitiven*)»¹³, различие между актами созерцания и означивания. Последние, предметом которых являются понятия, суть акты более высокого уровня. Интуитивные акты находятся в основании означивающих актов и выполняют роль наполнения (*Erfüllung*) интенции значения посредством созерцания. За осуществление этого процесса отвечает интуитивное исполнение интенции, или синтез наполнения. Интуитивные акты являются подклассом актов объективирующих, которые Гуссерль определяет как интенциональные акты, обладающие характеристикой пред-

¹⁰ Bernet R., Kern I., Marbach E. An Introduction to Husserlian Phenomenology, op. cit. P. 142.

¹¹ Brentano F. Grundzüge der Ästhetik. Aus dem Nachlass, hrsg. von Franziska Mayer – Hillebrand. Hamburg, 1988.

¹² Ibid. S. 86.

¹³ Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Husserliana, Bd. XIX / 2, hrsg. von U. Panzer. The Hague: Martinus Nijhoff, 1984. S. 586.

ставлять какой-либо объект¹⁴. Оставляя сейчас в стороне вопрос о статусе не-объективирующих интенциональных актов (относящихся к сфере аффектов) и необходимости их фундирования в актах объективирующих, обратим внимание на характер конституирования, присущий объективирующим актам. Для нашего исследования это имеет значение в связи с вопросом о том, что позволяет Гуссерлю определять акты ре-презентации как интуитивные и расширить понятие интуиции за пределы только лишь восприятия.

Различия между актами на основании синтеза наполнения.

Особенности синтеза наполнения интуитивных актов

В § 14 шестого исследования Гуссерль указывает, что различие означающих и интуитивных интенциональных актов может быть представлено как различие в осуществлении присущего им синтеза наполнения¹⁵. Гуссерль рассматривает три типа синтеза наполнения: синтез идентификации, присущий актам означивания, синтез образного подобия (*Synthesis der Bildähnlichkeit*), характеризующий акты образного сознания, и синтез вещной идентичности (*Synthesis der sachlichen Identität*), относящийся к презентующим актам восприятия. Интуитивный характер актов восприятия не вызывает сомнений, поскольку в восприятии и созерцании предстает сама вещь, причем к восприятию принадлежит возможность предъявлять одну и ту же вещь с разных сторон, это практически никогда не завершено созерцание. «Вещь утверждает себя через себя саму тем, что она показывает себя с разных сторон, при этом оставаясь той же самой»¹⁶. Что касается актов, в которых вещь предстает не как она сама, а посредством знаков или образов, характер данности предмета в этих двух случаях оказывается совершенно различным.

В образе предмет представляется на основании сходства. Знаки же указывают на объект, которым они не являются и с которым не имеют никакого общего чувственного содержания. Образы не отсылают к некоему внешнему объекту, а репрезентируют его в его отсутствии. Эта тема противопоставления знаков и образов разбирается Гуссерлем и в лекциях по фантазии и образному сознанию. Там образ рассматривается как своеобразное отношение образного объекта (*Bildobjekt*) и сюжета образа (*Bildsujet*). Важная особенность образного сознания (а также фантазии и воспоминания, поскольку они рассматриваются Гуссерлем как формы образного сознания) состоит в том, что оно есть сознание не образа (образного объекта) как такового, но изображаемой посредством него

¹⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания // Гуссерль Э. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 458–459.

¹⁵ Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Husserliana, Bd. XIX / 2, op. cit. S. 586.

¹⁶ Ibid. S. 588.

вещи. В образе я вижу отсутствующую вещь. И в этом моменте заключена проблема, с которой Гуссерль работает в этих лекциях. В фантазии или физическом образном сознании мы направлены на объект, именно объект (кот, дворец, королева Елизавета) я представляю в воображении, не сам «образ» является моей целью. Но чтобы представить себе объект, мне нужен образ. Представленный посредством образа объект тем не менее не есть реальный предмет, а воображаемый¹⁷. Что будет выступать в качестве образа — феноменологически (но не психологически или антропологически) случайно, однако следует признать, что этот образ есть нечто ускользящее. Возможно, в этом причина того, почему Гуссерлю важно было сравнивать фантазию и созерцание физического изображения, так как здесь у самого образа появляется наглядность.

Отношение образа и вещи обладает особым, внутренним характером и отличается от отношения означивания, в котором знак отсылает к вещи, данной в другом интуитивном акте. Поскольку в данном случае важно показать, как это различие обусловлено характером синтеза наполнения, обратимся к нему. Синтез наполнения, присущий актам означивания, состоит в идентификации значения и соответствующего ему созерцания (восприятия, воспоминания, фантазии, сущностного созерцания). Акты означивания, не имея собственного интуитивного содержания, находят поддержку в интуитивных данностях соответствующих актов созерцания. В случае ре-презентирующих актов речь идет о синтезе наполнения через сходство, который Гуссерль именуется синтезом образного подобия. «Явное своеобразие образного представления в том, что, когда оно достигает наполнения, предмет, который дан в явлении как „образ“, идентифицируется через сходство с предметом, данным в наполняющем акте»¹⁸. В свете того, что было сказано выше о связи образа и отсутствующего объекта, который ре-презентируется посредством образа, этот синтез подобия есть приведение к созерцанию отсутствующей вещи (но, подчеркнем, не реальной вещи) через созерцательный характер самого образа. В случае воспоминания приводится к созерцанию прошлое событие или воспринятый в прошлом предмет.

Различие в синтезе наполнения для прояснения интуитивного характера актов имеет определенное значение: прежде всего оно проясняет отличие означивающих и интуитивных актов. С другой стороны, оно определяет на основании этого различия то общее, что объединяет между собой такие акты, как восприятие, образное сознание, фантазия, воспоминание в качестве актов интуитивных, поскольку им всем присущ синтез наполнения через все новые созерцания, а не через идентификацию пустой интенции значения с наполняющим ее созерцанием.

¹⁷ Если бы можно было посредством простого намерения представлять сами предметы (быть причиной их существования), то это было бы уже восприятие *ex nihilo*.

¹⁸ Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Husserliana, Bd. XIX/2, op. cit. S. 587.

Различие презентующих и ре-презентующих актов: *Gegenwärtigung* vs. *Vergegenwärtigung*

Как мы уже отметили выше, различие между актами восприятия и актами воспоминания и фантазии лежит в иной плоскости, чем различие между интуитивными и не-интуитивными актами. Гуссерль называет фантазию первичной формой сознания, столь же первичной, как и восприятие. Есть что-то в манере фантазии представлять свой предмет, что не исчерпывается сравнением с восприятием. Есть проблема, особенность, особый способ отношения к предметному. И эту особенность фантазии и в более широком контексте — особенность ре-презентующих актов в целом — Гуссерль формулирует в виде следующего вопроса: что делает возможным представление некоего предмета, направленность на предмет, который не присутствует здесь и сейчас перед нами? Как объяснить этот парадокс нашего опыта, в котором я представляю себе нечто, именно это нечто делаю предметом моего сознания, но само это нечто отсутствует и предъясвляет себя через посредство чего-то иного, например образа фантазии, физического образа, образа воспоминания?

На определенном этапе развития феноменологической теории познания, которая делает своим предметом различные интуитивные акты сознания, основополагающее различие состоит в принципиальном разграничении тех актов, которые Гуссерль называет презентующими (*Gegenwärtigung*) и ре-презентующими (*Vergegenwärtigung*) на основании различий в характере присущих им интенций.

Ре-презентующие акты представляют собой проблему, заключающуюся в том, каким образом в акте, осуществляющемся сейчас, возможно представление того, что в настоящем отсутствует. В случае воспоминания — это осуществление в настоящем акта, в котором предъясвляется нечто, действительно имевшее место в прошлом (проблема данности прошлого в настоящем). В случае фантазии — это сознание в настоящем акте несуществующих предметов (воображаемых событий и т. д.). В случае ожидания — представление в настоящем событий будущего. В случае образного сознания — созерцание в физически присутствующей в актуальном восприятии вещи физически не-присутствующего образа (на физически присутствующей картине мы видим изображение, которое, в свою очередь, отсылает к тому, что изображено на ней). Гуссерля интересует сущностное родство подобных актов, то, что является общим для них и определяет их сущность. Это сущностное родство между феноменами фантазии, воспоминания и ожидания основывается на том, что они суть интенциональные переживания, которые в дополнение к своим различиям в сознании имеют сходный элемент в качестве основания, а именно характер объективирующего схватывания (*Auffassung*)¹⁹. И это

¹⁹ Такая позиция напрямую связана со взглядами Гуссерля на устройство актов сознания и, в частности, со схемой конституирования, известной как схема «схватывание — содержание схватывания» (*Schema Auffassung — Auffassungsinhalt*).

схватывание в своей специфической сущности одно и то же для воображения, интуитивных представлений в ожидании или интуитивных ре-презентаций прошлых переживаний²⁰.

Путь, на котором Гуссерль проясняет различие между представлениями фантазии и представлениями восприятия, состоит в понимании схватывания ре-презентирующих актов в качестве образного, подобного тому, которое имеет место в осуществлении образного сознания в случае созерцания физического изображения. Гуссерль называет это общее всем ре-презентирующим актам свойство схватывания — *Verbildlichung*²¹, что с трудом можно перевести на русский язык как «приведение к образности» или, если воспользоваться английским переводом, «пикториализация». В соответствии с этим образность (*Bildlichkeit*), или образное схватывание (*verbildlichkeit*), есть определение характера данности предмета в актах ре-презентации. В отличие от восприятия ни фантазия, ни воспоминание не представляют свои объекты как наличествующие здесь, в живом присутствии, поэтому нуждаются в дополнительном элементе, объясняющем возможность представления отсутствующих объектов. Теория образного сознания на данном этапе оказалась релевантной вопросу: как объяснить ре-презентацию в фантазии или воспоминании объекта, отсутствующего здесь и сейчас?

Это образное схватывание присуще не только представлениям фантазии как внутренним образным представлениям, но также и внешним представлениям образа, то есть таким представлениям, в котором физически воспринимаемый предмет посредством сходства представляет другой, отсутствующий предмет. Тем самым Гуссерль выделяет два вида изображений: внутренние и внешние, представленные посредством физического образа. Его задача — сравнить их и найти общий элемент, характеризующий образные представления. Ведущий вопрос звучит так: что значит представлять что-то посредством образа? Что представляет собой образная ре-презентация?

Первоначальные различия, которые он устанавливает для фантазии, — это различие между *образом фантазии (Bild)* и *вещью (Sache)*, *объектом фантазии*. *Sache* — тот объект, который подразумевается в представлении, тот объект, который может мыслиться как существующий или нереальный, сомнительный, желанный и т. д. в соответствии с качественными характеристиками, присущими его представлению. Но все эти характеристики остаются в стороне, поскольку речь идет только о том акте, в котором эта вещь, этот объект представлен. Если я, по примеру Гуссерля, представляю себе дворец в Берлине, то именно этот дворец и есть объект моего представления. «Образ делает вещь представимой, но сам не есть эта вещь»²². Образ и объект представлены разными способами.

²⁰ Husserl E. Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen, op. cit. S. 6.

²¹ Ibid. S. 16.

²² Ibid. S. 18, § 8.

В случае физического образного сознания ситуация, однако, становится более сложной, поскольку появляется предмет восприятия, функционирующий в качестве носителя образа. Гуссерль предлагает различать.²³

- 1) физический образ (*das physische Bild*), образ как физическую вещь (*Ding*), сделанную из мрамора, холст, бумагу, на которой напечатана фотография, и т. д.;
- 2) образ как образный объект (*Bildobjekt*), репрезентирующий образ (*repräsentierende Bild*), изображающий объект (*abbildende Objekt*) — аналог образа фантазии;
- 3) сюжет образа (*Bildsujet*), репрезентируемый или изображаемый объект (*repräsentierte oder abgebildete Objekt*) — аналог объекта фантазии.

Разница между актами фантазии и образного сознания состоит в наличии или отсутствии физического образа; сходство в том, что «ментальный образ» и объект, который он изображает, различны как для фантазии, так и для физического образного сознания. А поскольку есть два «объекта», то должны быть и два объективирующих схватывания. Схватывание, оживляющее «фантазмы»²⁴ в случае представлений фантазии и ощущения в случае созерцания физического образа и тем самым конституирующее образ, тем не менее не объясняет еще, каким образом конституируется связь этого образа с изображаемым объектом или объектом фантазии. То есть с одним простым схватыванием еще нет образа в подлинном смысле. Гуссерль задается вопросом: как становится возможным то, что мы видим в образе тот объект, который он представляет, а не удовлетворяемся только самим образом? «Как следует понимать, что, в то время как образный объект (*Bildobjekt*) дан в явлении, мы не ограничиваемся этим и подразумеваем под ним некий иной объект?»²⁵ В изображении кого-то на фотографии или картине мы всегда подразумеваем не только это изображение, но и того, кто там изображен. Поэтому Гуссерль говорит еще об одном схватывании, о двойной интенциональности, которая отличает фантазию (и акты ре-презентации вообще) от восприятия, в котором речь идет об одном схватывании, которому соответствует один воспринятый объект. «В представлении фантазии у нас есть два схватывания, одно, основанное на другом, конституирующие два объекта, а именно: образ фантазии, который дан в явлении, и образно представленный объект, сюжет образа (*Bildsujet*), который представлен именно посредством образа»²⁶. Эти схватывания, относящиеся к представлению предмета в фантазии, отмечает Гуссерль, не являются двумя различными и независимыми

²³ Ibid. S. 19, § 9.

²⁴ *Phantasma* — чувственные содержания актов фантазии, аналог ощущений как содержаний восприятия.

²⁵ Ibid. S. 23, § 11.

²⁶ Ibid. S. 24, § 11.

схватываниями, они в некотором смысле «переплетены» в представлении фантазии. Первое схватывание, которое конституирует образный объект, не является чем-то совершенно отличным от второго схватывания, конституирующего изображаемый объект (объект фантазии), дело обстоит не так, что это два различных акта, направленные на два различных объекта. Первое схватывание является основанием для второго. Второй объект является в и посредством первого (образа)²⁷.

Вся проблематика «образа» применительно к анализу актов интуитивной ре-презентации возникла не случайно и была ответом на вопрос о «присутствии отсутствующего» в этих переживаниях сознания. Необходимо отметить, что это была первая попытка, которая не получила дальнейшего развития применительно к актам воспоминания и фантазии, а была пересмотрена по всем ключевым пунктам²⁸. Характер схватываний, различия в содержании схватываний и сам статус «образа» как посредника в предъявлении объектов фантазии и воспоминания были отвергнуты Гуссерлем в ходе развития его феноменологической теории. Но не была отвергнута сама проблема, которая сформировалась в ходе этой первой попытки. Так же как не были отвергнуты определенные достижения этой первой модели интуитивной ре-презентации, такие как созерцательный характер актов ре-презентации (сохраняющий значимость и в «Кризисе» для мира изначальных созерцаний, в котором воспоминание играет свою роль); общность таких актов, как воспоминание, фантазия, ожидание и впоследствии — вчувствование (эмпатия, характеризующее данность другого сознания); идея особого статуса объектов этих актов, которую Гуссерль пытался определить через их связь с «образом» и которая при отказе от этого определения осталась проблематичной, но не снятой. На наш взгляд, в этом последнем пункте содержится один из основных моментов в проблематике воспоминания: в воспоминании и фантазии нам дан целый мир предметов, событий, личностей, которые не являются ни всеобщезначимыми сущностями (как идеальные объекты, данные в означающих и категориальных актах), ни действительными, реальными объектами восприятия, но объектами только лишь воображаемыми или «прошлыми», то есть действительно существовавшими ранее, но теперь обладающими лишь этой призрачной, ускользающей реальностью, сближающей их с воображаемыми объектами, которая тем не менее составляет содержание того, что мы считаем *своим* опытом.

²⁷ Ibid. S. 27, § 13.

²⁸ «В чем источник постоянной попытки и неудачи этой попытки прояснить отношения между восприятием и фантазией?» — этим вопросом Гуссерль задается в 1909 году. Его ответ приводит к отказу от применения схемы «схватывания — содержания схватывания» и пересмотру всей теории ре-презентации. Такие авторы, как Рудольф Бернет и Эдуард Марбах, сходятся во мнении, что поворотным моментом для этой проблематики оказались исследования Гуссерля, посвященные феноменологии временности сознания, в особенности обращение к теме внутреннего, импрессионального сознания и воспоминания как его репродуктивной модификации.